

© 1997 г. К.Б. БАБУРИНА

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

С именем выдающегося слависта академика Никиты Ильича Толстого связано одно из наиболее интересных направлений отечественного языкознания – этнолингвистика, интегрирующая в себе языкознание, фольклористику и этнографию. Благодаря усилиям Н.И. Толстого в настоящее время можно говорить о целой этнолингвистической школе, которая решает такие серьезные задачи, как создание этнолингвистического словаря и атласа духовной культуры Полесья. В эту работу был вовлечен широкий круг специалистов, от крупных ученых до студентов. Н.И. Толстой руководил этнолингвистическим семинаром на филологическом факультете Московского государственного университета, студенты которого принимали участие в сборе материала в ежегодных экспедициях в Полесье.

Вместе с другими гуманитарными науками этнолингвистика, изучая язык в контексте народной культуры как одном из подвидов национальной культуры, решает многие вопросы и задачи, стоящие сейчас перед отечественным языкознанием. (О четырех подвидах национальной культуры см. [Толстой 1995: 20].) Это не случайно, ведь вопросы истории языка и истории культуры народа неразрывно связаны между собой. “Народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная культура, – писал Н.И. Толстой, – вкупе с элементами включенной в нее материальной культуры представляет собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры” [Толстой 1995: 21].

В частности, этнолингвистический аспект приобретает важное значение в исторической лексикографии. В настоящее время Институтом русского языка РАН выпускается Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ XI–XVII вв.), который включает в себя значительный пласт народной лексики. В отличие, скажем, от Словаря живого великорусского языка В.И. Даля, который также является богатейшей коллекцией народных слов и выражений, пословиц и поговорок, СлРЯ XI–XVII вв. раскрывает историю входящих в него слов, историю их значения на значительном отрезке времени. Перед создателями Словаря стоит непростая задача, ведь «история слова, – как писал В.В. Виноградов, – должна воспроизводить все содержание, всю цепь смысловых превращений, все “метаморфозы”. Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни» [Виноградов 1968: 19].

Чтобы реконструировать древнейшее значение слова и показать его дальнейшую историю, привлекаются как данные собственно языка, этимологии и диалектов, так и данные смежных дисциплин: истории, этнографии, археологии и др. [Богатова 1978: 46]. При составлении словарных статей авторы стараются учитывать историко-культурный аспект. Подходы к изучению и описанию лексики нашли отражение в сборниках статей, выпускаемых Отделом исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка РАН¹.

¹ См. сборники: [Русск. регион. лексика... 1987; Лексич. гр. в русск. яз... 1991; Ист.-культ. аспект... 1995] и др.

Кроме того, часто, чтобы раскрыть всю полноту значений слова, необходимо выяснить также его значение в системе духовных и культурных ценностей народа. В определенной языковой культуре и традиции слова нередко получают новое, символическое значение. По словам Н.И. Толстого, «каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и свой “образ мира”, в котором и получают свои значения элементы этого языка» [Толстой 1995: 291]. В символическом языке культуры есть знаки разных субстанций – вербальные, реальные, изобразительные и т.п. Они имеют разный статус. Первичное значение принадлежит “реальным” знакам – вещам, субъектам, существам и т.д. Получая символическое значение, реалия превращается в знак [Толстой 1995: 293], и значение ее становится гораздо шире.

При написании словарной статьи **СЫРЬ** для СлРЯ XI–XVII вв. за историей реалии встала и история народной жизни и быта, так как сыр был связан со многими обрядами, обычаями и верованиями славян. На примере этого слова особенно заметно, как часто привычные нам слова в определенных контекстах обретают совершенно новый смысл, который невозможно уловить без знания народного быта и культуры.

Возникновение сыра, вероятно, относится ко времени одомашнивания скота [Мурьянов 1987], и славянам был известен с глубокой древности. Он упоминается в древнейших текстах: *имѣше же врѣмя хлѣвы чисты и топы вино и масло дрѣвѣное и млады сыры и анца* (Супрасльская рукопись, XI в.), *А се поклонъ вирнын: вирникоу взяти ѿ вѣдѣръ солоду на недѣлю..., а въ средоу рѣзаноу вѣже сыры, в пятницу тако же* (Правда Рус. (кр.), с. 73. XV–XI в.)², *Брацны приндоша къ Бавѣ несоуще хлѣвы и сыры и фюники* (Ж. Сав. Оsv., 61. XIII в.), *Подобаетъ видѣти яко от пасхы до всѣхъ стѣхъ на трапезѣ двое брашно ямы. Съ масломъ зелье и сочиво и сыръ и рыбоу егда имамъ* (Никон. Панд.¹, 197а. XIV в.) и др.

Сыр в древности не был похож на современный. На Руси сыром называли творог. Хотя и не существует его ранних описаний, но нас в этом убеждает семантика однокоренных слов, например, слова *сырники*. Возможно, они были похожи на современные сырники (или творожники), сейчас трудно утверждать наверняка. Однако это было кушанье, приготовленное из творога. Некоторые этнографические данные говорят о том, что сырники готовились из творога, яиц, молока, с небольшим количеством муки [Забылин 1880: 466]. А в “Росписи царским кушаньям” встречается такой рецепт приготовления сырников: *На блюдо сырниковъ съ сыромъ, а въ нихъ полапатки мѣки крупчатые, 15 яиц, полполчети ведра молока прѣснаго, четъ сыра кислаго, гривенка масла коровья.* (АИ II, 428. 1598–1613 гг.). В русском народном языке сырниками называли “пирожки, блинцы, начиненные творогом”, или “вареники”, или “род клецок, колобки из творога” [Даль, IV: 376]. Это подтверждают и данные диалектов: в астраханских говорах *сырники* – “творожная пасха”, в тверских говорах отмечено слово *сырница*, означающая “кушанье из творога и гречневой каши”.

Сырные губки в старом русском языке означало “творожные грибки”: *А въ которомъ числѣ и съ кѣмъ имянемъ оврочные орѣхи и сырныя гѣвки вышлешъ и ты въ о томъ отпишалъ* (ДАИ IV, 174. 1659 г.)³.

Кроме того, существовал ряд глаголов, производных от слова *сыр*: *насырити*, означавший “сгустить, створожить”: *Насырилъ ж мя еси равно сырѣ* [(Иов. X. 10) Библ. Генн. 1499 г.] (ср. в греч. *ἐτιρωσας*). Другой глагол – *сыротворити*, также означавший “створжить”: *Егда сыротвориши млеко, и сотвориши сывороткѣ, повнегда*

² Список сокращений источников дается по [Указатель... 1984].

³ Толкование см. [СлРЯ XI–XVII вв., IV: 152].

измешн ю из мѣдника, розрѹши сырѣ свежій, его же сотворилъ еси во онѣ часть. (Кн. землед., 152. 1705 г.). Еще один глагол – *ссырится*, со значением “сгуститься, створожиться”: “Бгда во аз сѣртнѣ члкъ подобенъ всѣм и от рода земнаго того нж преж быт и въ чревѣ мѣринѣ образенъ есть плоти: десять мѣць время съсырихъ в крови [(Время. Сол. VII. 1–2) Библ. Генн. 1499 г.] (ср. в лат.: *decem mensium tempore coagulatis sum in sanguine*).

Чтобы сохранить творог, его солили, делали из него большие лепешки в виде круглого хлеба и сушили. По-видимому, это был “прообраз” современного сыра. Упоминание о *сухом сыре* встречается в Домострое при описании стола на масленицу: *Хворосты, орѣхи,.. сыры гѣбчатые,.. сыры сметанные сѹхне* (Дм., 151. XVI в.). А в воронежских говорах сохранилось слово *сырок*, означавшее “сушеный на зиму творог”.

Сыры, изготовленные в Европе, становятся известными на Руси по крайней мере в XVI в. Уже в “Козмографии” мы находим упоминание о твердых “заграничных” сырах: *Парменскіе сыры славные свыше мѣры велики и үкүсны зѣло* (Козм., 149. 1670 г.). А в эпоху Петра I получили распространение и многие другие виды сыров – пармазан (пармезан), английские, голландские⁴.

В XVIII в. в журналах появляются статьи с рецептами приготовления заграничных сыров. Вот, например, один из них, помещенный в статье “Известіе о деланіи сыровъ похожихъ на Аглинскіе”: “Сперва берется парнаго коровьяго, козьяго, или овечьяго молока... Сіе молоко вливается въ лохань, и буде оно холодно, то подогревается... и чрезъ то придается всему молоку такой градусъ теплоты, каковаго бываетъ обыкновенно парное молоко... По учиненіи сего предпринимается сему молоку закваска: ...берется пять ложекъ желудочной закваски... потомъ вливается въ оную четыре ложки уксусу... Сею закваскою заквашивается молоко... и накрывается простынею... покуда сядетъ. Между темъ приуготовляется лохань, наполненная кипяткомъ, для разогревания блюду и тарелокъ... Сими блюдами и тарелками отваривается сырѣ покуда сядетъ. Потомъ сливается сыворотка, а сырѣ солится, и потомъ обертывается въ простыню, кладется въ форму и закрывается крышкою. Сія форма съ сыромъ становится въ станокъ и заколачивается накрепко клиньями, дабы вытекла изъ него вся сыворотка... И какъ чрезъ то сырѣ получить свое совершенство, то вынимается наконецъ изъ формы, натирается хорошенько солью и кладется для сохраненія на погребъ” (Болот. С.ж., 35. 1788 г.).

Таким образом, слово *сыр* в русском языке было многозначным. Оно означало и творог (и блюда из творога), и сыр.

И вплоть до XVIII–XIX веков и для творога, и для сыра существовало единое название “сыр”. И сыр в первую очередь по-прежнему понимался как творог. В Словаре русского языка Академии Российской (СПб., 1822) первое значение слова *сыр* – это “творог, приправленный сметаною и яйцами”. Второе же значение – это “сыр”: “отъ кислаго или заквашеннаго молока въ тепле отделенныя части наподобіе хлеба сваленныя и засушенныя”. Так же толкует слово *сыр* и Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка (СПб., 1867). И в Словаре В.И. Даля *сыр* толкуется в первую очередь как творог, хотя все же отмечается, что “обычно сыром зовут немецкій сыр, выделанный из парнаго молока, соленый и просушенный, кругами” [Даль, IV: 376]. Даль в своем толковании подчеркивает иностранное происхождение такого сыра.

Однако семантика слова *сыр* оказалась бы не до конца раскрытой, если бы мы не упомянули о символическом значении этого слова, которое оно получило в русской (и шире – славянской) языковой традиции.

⁴ Эти названия встречаются в “Торговом морском уставе и Тарифе Санктпетербургскаго, Выборгскаго, Нарвскаго, Архангелогородскаго, Кольскаго портов” (СПб., 1724): “сыру пармазану пудъ, сыру галанскаго и аглинскаго пудъ”.

У славянских народов сыр, как молоко и другие молочные продукты, считался священным. Он был связан с культом продолжения рода. В Новгородской земле сыр резали (краяли), т.е. приносили в жертву, языческим божествам, дававшим продолжение жизни и помогавшим роженце (См. "Вопрошания Кирика" (XVI ~ 1136 г.): *Иже се роду и роженце крают хлѣвы и сыры и мед* (Корм. Балаш., 227 об. XVI в.).

Как символ продолжения рода сыр участвовал в свадебных обрядах. На свадебном столе сыру отводили специальное место, так же как и перепече (праздничному пирогу) или караваю, которые являлись ритуальной едой на свадьбе. Резание сыра и перепечи имело символическое значение. Оно происходило, как описывается в "Домострое", во время свадебного обряда, когда невесте расплетали девичью косу, причесывали по-бабьи и надевали кикю: *Как сваха үчнет ү князя и ү княгини головү зачесывати, а в тѣ поры вы друшка сыр колүпал, и перепечю рѣжет*. Этой ритуальной свадебной едой дружка угощает всех присутствующих, поднося каждому по куску пирога и сыра. Отсутствующим же родственникам угощение отсылали домой.

Свадебный пир также начинался с каравая и сыра. А свадебный обед так и назывался *сырным столом*.

Сыр ели в качестве ритуальной еды и в начале, и в конце свадьбы. Например, после свадебного пира в московских землях в XVII в. всем раздавали и рассылали убрисцы, ширинки, каравай и сыр. У белорусов на следующий день после свадьбы теща клала зятю за пазуху сыр. У лемков (украинцев, живущих в Карпатах) молодым на другой после свадьбы день приносили сыр. В Вельской округе (Архангельская обл.) и по Ваге (приток Сев. Двины) тещи приносили зятям сыр в Петров день на второй год брака, а зятя устраивали по этому случаю пиршество [Снегирев 1838: 208].

Обязательное употребление сыра на свадьбе, на празднике обусловило то, что постепенно сыр перестал связываться в языковом сознании с культом продолжения рода. Его значение стало переосмысляться. Так как сыр не был простой, повседневной пищей, а ели его в торжественные дни, когда на столе стояла праздничная, более богатая, чем обычно, еда, то сыр стал связываться с довольством, богатством.

В.И. Даль в Словаре упоминает, не раскрывая значения, свадебный обряд, известный в нижегородских землях, когда молодые кланяются гостям, прося выпить. Это называлось *сыр молить*. В других областях также существовали обряды, когда гости одаривали молодых. И это называлось *на сыр класть, на сыр или к сыру просить* [Мораховская 1996: 160]. Сам же сыр в этих обрядах не фигурировал вообще. По мнению О.Н. Мораховской, в этих словосочетаниях слово *сыр* утратило свое денотативное значение. Оно означало здесь только благополучие, т.е. *давать на сыр* означало *давать на благополучие, на богатство*.

Кроме того, сыр имел важное значение и в церемониях, предшествующих свадьбе. Существуют этнографические свидетельства о том, что во время свадебного сговора родители жениха и невесты разрезали и ели сыр. Этот обычай был распространен у русских, белорусов, поляков, лужицких сербов вплоть до XIX в. [Сумцов 1881].

А на Украине невеста выносила ритуальный сыр, когда уговор между родителями невесты и женихом оканчивался. Этот сыр разрезался сватом и раздавался по кусочку всем присутствующим. Кроме того, невеста давала еще жениху на дорогу кусок сыра. По пути домой жених всем встречающимся также давал по кусочку сыра в знак того, что он обручен [Сумцов 1881: 120].

Разрезание сыра во время сговора также начинает связываться в языковом сознании с самим обрядом и получает таким образом символическое значение. *Краять сыр за деву* становится знаком – знаком сговора девушки замуж.

Но в отличие от предыдущего примера (сыр как довольство, благополучие), когда новое, символическое значение фигурирует только в обрядах, значение разрезания сыра как сговора проникает и в письменность. Оно находит отражение в Уставе князя Ярослава о церковных судах, который представлял собой кодекс семейного и брач-

ного права древнерусского государства: *Аще за девѹ сырѣ краянѣ бѹдетъ, а не так съчинятъ, за сырѣ гривна .ѡ., а что истеряли, то заплатятъ, а святителю .Ѣ. гривен, а князь казнитъ* (Княж. уставы, 97. XV~XII в.). Отказ жениха от невесты порочил ее, она рисковала остаться вообще без замужества, а ее родители несли и материальные убытки из-за расходов на сговор. И по закону жених или его родители возмещали материальные расходы на сговор (“а что истеряли”) и ущерб невесте (“за сыр”), а также штраф властям [Шапов 1972].

И хотя, как свидетельствуют этнографические источники, сам сыр продолжал фигурировать в данном обряде вплоть до XIX века (см. выше), а значит, и слово *сырѣ* в Княжеских уставах употреблялся в своем прямом значении, однако для современного читателя общий смысл фразы остается неясным, поскольку очевидно, что речь идет не о простом разрезании сыра.

Таким образом, этнолингвистический комментарий необходим в исторических словарях, хотя, разумеется, невозможно вместить в словарную статью все подробности жизни слова. Многие данные, в том числе и этнографические, останутся за ее рамками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатова Г.А. 1984 – История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
- Виноградов В.В. 1968 – Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // ВЯ. 1968. № 1.
- Даль В.И. – Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. М., 1978–1980.
- Забылин М. 1880 – Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М., 1880.
- Ист.-культ. аспект... 1995 – Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.
- Лексич. гр. в русск. яз... 1991 – Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М., 1991.
- Мораховская О.Н. 1996 – Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М., 1996.
- Мурьянов М.Ф. 1987 – *Сир* (реалия і слово) // Мовознавство, 1987 г. № 1.
- Русск. регион. лексика... 1987 – Русская региональная лексика XI–XVII вв. М., 1987.
- Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1867.
- Словарь русского языка Академии Российской. СПб., 1822.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–23–; М., 1975–1996–.
- Снегирев И.М. 1838 – Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1838.
- Сумцов Н. 1881 – О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков. 1881.
- Толстой Н.И. 1995 – Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Указатель... 1984 – Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. М., 1984.
- Шапов Я.Н. 1972 – Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV веков. М., 1972.